

Книжная серия
«ГОССТИПЕНДИАТ»

Владимир Делба
ДЕВЯТОЕ МАЯ
Повесть
Сокращенный вариант

Союз литераторов России
Москва, 2016

Владимир Делба

ДЕВЯТОЕ МАЯ. Повесть. Сокращенный вариант. – М: 2016, – 40 с.

ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISBN 978-5-9907597-1-8

© В. Делба, текст, 2016

© Союз литераторов России, идея издания, 2016

© В. Ковалевский, оригинал-макет, верстка, 2016

Тяжелые, темно-серые, тревожные тучи низко висели над растерзанным городом. Над его широкими проспектами с израненными стволами стройных лип вдоль тротуаров, с мостовой, сплошь изрытой воронками от снарядов и бомб. С сохранившимися кое-где фасадами внушительных каменных домов, украшенных арками, эркерами и скульптурными барельефами.

Вчера, поздно вечером был подписан долгожданный Акт о капитуляции. Так что долгая кровопролитная война наконец-то закончилась. Уже праздновали Победу. Но над городом, в облаках, об этом, видимо, еще не знали, ибо там происходило настоящее небесное сражение, шел ожесточенный бой. Сверкали бесчисленные молнии, постоянно меняющие цвет, окрашивающие небо и остатки строений на земле то ярко-голубыми, то оранжевыми, то фиолетовыми сполохами. Гром, звучащий без перерыва с разной силой, не просто напоминал, а полностью имитировал артиллерийскую канонаду. И витало в предгрозовом, наэлектризованном апокалиптическом воздухе нечто необъяснимое, мистическое. Очень важное, знаковое для меня.

Я почти не удивился, встретив ЕГО именно здесь, в пустынной поверженной вражеской столице. Естественно, наша встреча не была случайной. Я знал, я был уверен, что обязательно встречу с ним, ибо именно я должен был выполнить свои обязательства перед теми, кто уже не мог сделать этого сам. Только не знал я, когда состоится встреча. Именно два этих важнейших решения: Где и Когда, принимались не мной, а там, Наверху. Сложные извилистые линии судьбы наслоились на не менее запутанные пунктирные линии военных дорог, и это стало реальным фактом, наша с ним встреча.

А разве можно назвать совпадением или случайностью брошенный экипажем совершенно исправный танк, с работающим двигателем и, как оказалось потом, с одним единственным снарядом в ящике внутри бронированной машины...

Двигатель ревел, издавая уже на холостых оборотах какие-то странные, лязгающие звуки. Казалось, еще немного – он не выдержит нагрузки и разлетится, разрывая корпус железного чудовища на тысячу частей. Дым застилал глаза, заставляя их слезиться. Фантастическая погоня бронированной машины за живым существом завершилась. Я загнал беглеца во внутренний дворик здания, и перед единственной аркой, ведущей наружу, к свободе, стоял мой танк.

Осознание неотвратимости приближающегося финала превратило того, кого с натяжкой можно было сейчас назвать человеком, в некое подобие каменного изваяния. Будто сама судьба впечатала его спиной в каменную кладку стены. Покрытый с ног до головы серой пылью, он действительно казался высеченной из камня скульптурой.

Я сбросил обороты, перебрался в башню, нащупал в деревянном ящике скользкий от смазки, теплый металл снаряда, аккуратно выудил его из ячейки и дослал в казенник орудия. Закрыв затвор и прильнул к прицелу.

Теперь, успокоившись, железный монстр перестал, наконец, падать. Дым рассеивался, и я прекрасно видел ЕГО в перископ. Странное чувство овладело мною здесь, в душной башне танка, будто душа моя отделилась от тела, превращаясь в некий поток энергии, мощный, концентрированный, направленный напрямую от меня к НЕМУ. И вот я передвигаюсь по невидимому энергетическому мосту, приближаясь к своему визави вплотную, заглядываю в постоянно моргающие, бегающие его глаза, наполненные ужасом, ощущаю вибрацию его дрожащих пальцев, провожаю взглядом капельки пота, струйками стекающие со лба на нос и щеки. Я даже различаю исходящие от него запахи: запах пота, дурной, гнилостный запах изо рта, запах гари от волос и одежды. И еще запах мочи. Опускаю глаза и вижу, как влага пятнами расплывается по ткани галифе беглеца.

– Ну вот, гад, обмочился от страха. Знаешь, что тебе пришел конец. Даже смерть не в состоянии принять достойно. Погоны бы с тебя сорвать надо, да ладно уж...

Эти мысли не были злорадством. И удовлетворения я не испытывал. Много лет в ожидании встречи я действительно предвкушал некую торжественность, удовлетворение от акта Мести. Хотя смертный приговор, который ему когда-то вынесли, мстью не являлся. Это было заслуженное наказание, возмездие за содеянное. Настроение мое испортилось. Я вернулся в башню танка, и в свою биологическую оболочку уже другим, опустошенным и безразличным. Но, так или иначе, я был обязан привести приговор в исполнение.

Для верности я еще раз взглянул в перископ. На секунду показалось, что вижу на его лице странную какую-то крикую улыбку. Grimаса смерти, подумалось мне.

Я шумно выдохнул воздух и...

* * *

Звонок в дверь, разбудивший меня, был прерывистым и настойчивым. Кого это могло принести ранним утром Девятого мая? Не успел я отпереть замок, как массивная дверь распахнулась от сильного толчка, и в прихожую буквально влетел, оттолкнув меня в сторону, незнакомый пожилой мужчина. Не обращая на меня внимания, захлопнул дверь изнутри, дважды провернул ключ в скважине и только затем обернулся ко мне.

Среднего роста, подтянутый, полноватый, но не грузный, в парадном генеральском мундире. В левой части мундира, чуть выше нескольких рядов различных орденов, сверкала золотом Звезда Героя. Кстати, наград хватало и в правой части мундира. Ниже мундира на госте... не было ничего! Если не считать длинных, до колен, так называемых семейных трусов и клетчатых разношенных тапок. Незнакомец глядел на меня с подозрением.

В замочной скважине послышалось шуршание. Кто-то пытался отпереть входную дверь снаружи. Но она была заперта изнутри, из замочной скважины торчал ключ. Через несколько мгновений в дверь позвонили.

Мужчина в мундире вздрогнул, почему-то предупредительно поднял руку, очевидно призывая присутствующих, то есть меня, к полной тишине. Прильнув к дверной пане-

ли, осторожно спросил: – Кто там? – Через секунду снаружи отозвался немного удивленный голос хозяйки квартиры: – Простите, сударь, но было бы логичней, если в сложившейся ситуации этот вопрос задала я!

– Капитолина Леонардовна? – прошептал незнакомец. – Вы уверены, что это действительно она? – Я активно закивал головой.

Впустив хозяйку квартиры внутрь и быстро затворив дверь, мужчина внимательно оглядел женщину.

– Вы точно одна? За Вами никто не увязался? –

– Виктор Данилыч, лобезный! И что же стряслось на этот раз? – Широко улыбаясь, участливо и уважительно поинтересовалась хозяйка квартиры. – Кто нарушил Ваш покой в столь чудесный праздничный день?

Ответной улыбки не последовало. Мужчина в неполной генеральской форме, с тревогой в лице делал руками непонятные мне знаки, указывая глазами в сторону кухни. Странно, но Капитолину Леонардовну эти телодвижения совершенно не смутили.

– Конечно. – уверенно произнесла она. – Что-что, а кухню необходимо обязательно подвергнуть проверке. Прошу следовать за мной, господа офицеры. Ведь я – полковая разведка, не так ли?

Через несколько секунд из кухни послышалось озорное: – Вводите в бой основные силы! На вверенной мне территории ни вражеских частей, ни мин – нет!

Наш гость облегченно вздохнул, уселся на предложенный хозяйкой стул, и начал говорить.

– Сегодня ведь День Победы! Готовился, как всегда, к встрече ветеранов. Облачился, значит, я в мундир, вдруг слышу, звонят в дверь. Отпираю, значит, дверь, а там ЭТИ толпятся!!! И много их, гадов, не меньше взвода. Злые, глаза горят, рожки острые. И давай меня хвостами хлестать. Собрался я, кое-как с силами, отшвырнул ближайших в сторону и ринулся по коридору прочь из дому. И давай в Вашу дверь названивать. А кто их наслал на меня – это не секрет. ОН, конечно! Вижу недоумение на лице юноши. Да, эта история впрямь очень сложная и запутанная. Да и началась

очень давно. Но я обязательно расскажу ее Вам, молодой человек. Позже.

Кстати, Капитолина Леонардовна, разрешите спросить, а кто этот юноша? Я раньше у Вас его не наблюдал.

– Володя – сын наших давних друзей из Абхазии. Он художник, абитуриент. Поступает в институт. Живет у меня. Можете спокойно продолжать.

– Из Абхазии? Прекрасная страна! Мне довелось там бывать, но к сожалению, недолго, но она запомнилась мне на всю жизнь! Сказочная природа! А какие там живут люди: веселые, гостеприимные, добрые. Вспоминаю, как сказку! А рассказывать сегодня больше нечего.

Так я в первый раз увидел генерал-лейтенанта Виктора Даниловича Василенко. Неординарными были обстоятельства, при которых он появился ранним утром девятого мая 1963 года в квартире Капитолины Дмитрук, в так называемом генеральском доме на улице Мархлевского, в центре Москвы. Где я, будучи слушателем подготовительных курсов текстильного института, снимал комнату у вдовы известного военачальника.

Если спросить, усмотрел ли я в нашей встрече некий знак Судьбы, ответить внятно, увы, не смогу.

* * *

Капитолина Леонардовна куда-то позвонила и, через некоторое время за генералом приехали: симпатичная молодая женщина в белом халате, в сопровождении двух мрачных рослых санитаров. Наш гость безропотно последовал за ними.

Хозяйка позвала меня в гостиную и усадила в огромное мягкое кресло.

– Заинтригован? Виктор Данилович мой сосед, из девятой квартиры. Вы познакомились при странных обстоятельствах, но не спешите с выводами, тем более не вздумайте вешать человеку, образно выражаясь, ярлыки. Хоть генерал и состоит на учете у психиатра, назвать его душевнобольным я не могу себя заставить. Считается, что у него запой, но я и это предположение ставлю под сомнение. Конечно,

велик соблазн сказать про генерала сегодня: элементарная «белочка», ну, «белая горячка», или выражаясь по-научному – Delirium Tremens. Нет, Володя, тут дело гораздо сложнее, я думаю, но разобраться сама не могу. Может ты поймешь, со временем. Так что слушай.

– Ты знаешь, как называют огромный серый дом у Большого Каменного моста, на противоположной от Кремля стороне Москва-реки? Его называют «Домом на набережной». Ну а многие москвичи называют его «Домом расстрелянных». Это потому, что многих известных людей, живших в этом доме, расстреляли в конце тридцатых, в годы Большого сталинского террора.

А наш дом некоторые остряки из местных называют Домом «генералов-сидельцев». Ибо все военачальники, получившие квартиры в этом доме уже после войны, за исключением моего Дмитрука, прошли через тюрьмы и лагеря. И, пожалуй, самым трагическим образом сложилась судьба именно Виктора Даниловича.

Как и многие, ушел он добровольцем в Красную Армию. А после Гражданской отправили его на учебу, сначала в бронетанковое училище, а затем в академию. Знаю, что служил он потом на Дальнем Востоке в чине, кажется, комдива, естественно, попал под косу, которой выкашивали военных из окружения маршала Блюхера. Тогда же забрали его жену и дочь.

Через год Василенко, как и многих других красных командиров, из-за нехватки кадров в Красной Армии, освободили из лагеря, восстановили в звании, а позже и в партии, и отправили воевать с японцами, на Халкин-Гол, а затем – с немцами. Воевал он достойно, дослужился в конечном итоге до генерала, получил Звезду Героя. И все бы хорошо, если бы не страшная беда. Его жена и дочь так и не вернулись из заключения.

Куда только не обращался генерал, в какие только высокие двери не стучал, – нигде не получал внятного ответа. И только недавно, в конце пятидесятых, ему официально сообщили, что его жена и дочь умерли в лагере такого-то числа, такого-то года.

Известие подкосило генерала. Он очень изменился. Внешне он сохранил интерес к жизни: был общительным и энергичным, активно работал в Совете Ветеранов. Но каждую весну, в начале мая, генерал уходил, очевидно, в запой. Исчезал из виду, запершись в квартире, появлялся через несколько дней совершенно другим человеком. Вроде бы трезвый, но явно не в себе, с горящими глазами, начинал рассказывать он соседям о какой-то особой своей миссии на земле, что возложена, мол, на него обязанность исполнить долг перед человечеством, святой долг.

А должен был отставной генерал, с его слов, привести в исполнение смертный приговор, вынесенный Высшим судом преступнику, садисту и убийце, на чьих руках была в том числе кровь жены и дочери Василенко. ЕМУ, как говорил генерал.

В момент первого запоя, посоветовались мы, соседи, и скрепя сердце позвонили в Медицинское управление. За генералом прислали машину с этой же самой, что и сегодня, медсестрой Катей. Ну и, соответственно, с санитарями.

Генерала нам вернули примерно через месяц совершенно нормальным, улыбающимся и розовощеки. Былой ритм жизни «генеральского» дома был восстановлен, все вошло в колею. И скоро все позабыли о досадном происшествии.

Пока история не повторилась, один в один. Ровно через год. И здесь явно прослеживается странная закономерность. Ведь и сегодня как раз – Девятое мая!

Вот и рассказала я тебе все, что знала сама, – Капитолина Леонардовна облегченно вздохнула и поднялась из кресла.

* * *

Радостно и гордо шелестели яркой, свежей еще листвой деревья, умудрившиеся выжить в каменных хитросплетениях узких улочек в самом центре столицы. У подъезда генеральского дома, в крохотном скверике, стоял Виктор Данилович Василенко, в тщательно отутюженной гражданской одежде, чисто выбритый, розовощекий и улыбающийся.

Улыбался генерал голубям, которых кормил хлебом, тщательно перетирая в руках куски белого батона. Хлеб был,

я думаю, сознательно взят слегка черствым, он прекрасно крошился, так что процесс кормления птиц был, помимо нравственной, благотворительной его цели, еще и технологически оптимизированным. Увидев меня, дружески помахал рукой, а затем опять же жестами дал понять, чтобы я не уходил, подождал, пока не завершит он важную свою миссию. Ну и чтобы вел себя тихо, и не распугал случайно пернатую рать генерала.

– Пойдем, Владимир, ко мне, – предложил Виктор Данилович, пожимая мне руку, когда птичий банкет завершился. – Поговорим.

– Это комната Алены, моей дочери, – указывая на первую по ходу дверь, пояснил генерал, включив свет в коридоре. А это наша спальня, моя и жены. Хотя я предпочитаю спать в кабинете. – Достаточно обыденно, ровным голосом продолжил Виктор Данилович.

От меня не скрылось, что у дверей спальни генерал на секунду задержался, проведя легко, с нежностью, но почти незаметно ладонью по дверной филенке, но тут же продолжил движение.

Зал, в который мы вошли, был обставлен массивной, канцелярского вида мебелью, возможно казенной, и выполнял, очевидно, функции гостиной. Единственная деталь, радовавшая взгляд в неприветливом помещении, – так это старинный камин в углу, сложенный из ярких фаянсовых изразцов, с массивной полкой белого каррарского мрамора и изящной бронзовой решеткой. Осколок былой жизни мещанской Москвы.

Из гостиной сквозь открытую дверь мы попали в еще одну комнату, которая и оказалась кабинетом, таким же неудобным, как и зал. Здесь, в сумрачном объеме комнат, не было и следов женского «духа», женской ауры, ощущаемой сразу, с момента, когда вам отпирают входную дверь.

В огромной и внешне ухоженной квартире генерала Василенко не было ни картинок на стенах, ни вазочек, ни ковриков, ни фигурок на книжных стеллажах или кухонных полках. В общем, всего того, что так любят женщины.

Небольшая часть кабинета была отгорожена китайской ширмой черного шелка. За ширмой оказалась небольшая мастерская.

Массивный неполированный стол, верстак с тисками, различные инструменты, аккуратно разложенные на чистой тряпочке. ...Идеальный порядок во всем. И идеальная чистота. Однако, при этом, здесь, в мастерской, часто работали, и это чувствовалось сразу. Пожалуй, только здесь и была зона реального присутствия человека.

В дальнем углу, на небольшом напольном шкафчике, лежали несколько резиновых грелок разных размеров. Виктор Данилович перехватил мой взгляд.

– Эти грелки отечественного производства, советские. Резина дрянного качества. Не годится мне.

Качество резины? При чем здесь оно? И какие ассоциации могла вызывать у меня эта фраза – качество резины? Ну конечно, совсем, совсем давно мы, мальчишки, мастерили себе рогатки для охоты на мелких птиц или мышей. Так вот, при изготовлении самодельного нашего оружия качество резины имело огромное значение! Но мои детские воспоминания не имели никакого отношения к коллекции грелок генерала.

* * *

Мы сидели друг напротив друга в неудобных жестких креслах, в гостиной, рядом с холодным камином.

– Я буду, по возможности, краток, Володя. Не знаю, понимаешь ли ты, что наша встреча, наше знакомство не были случайностью! Все было predetermined там, Наверху! Сегодня ты узнаешь всю правду!

Итак, Гражданская война закончилась. Меня отправили на учебу в бронетанковую школу. В 1922 году на сборах в Балашове я познакомился с Женечкой, моей будущей женой. Она гостила у тети. Володя, это вправду была любовь с первого взгляда, сумасшедшая, неземная какая-то любовь! И пронесли мы ее через всю нашу короткую совместную жизнь такой же чистой и страстной! В следующем году я стал еще богаче!!! У нас появилась Аленка, Солнышко, Звездочка наша! Мои девочки разделили со мной все труд-

ности кочевой жизни красного командира. И все радости естественно!

После бронетанковой школы я закончил Академию имени Фрунзе и получил направление на Дальний Восток. В 1938-м, сразу после ареста маршала Блюхера, командующего армией, забрали, в числе многих командиров, и меня. После изнуряющих и жестоких допросов я оказался в одном из многочисленных лагерей Дальлага на Нижнем Амуре. Поскольку арестован я был на совещании в штабе армии, мне ничего не было известно о судьбе моих девочек, Евгении и Алены.

Не буду долго рассказывать о жизни в лагере. Правда, если то, что происходило в то время в лагерях, вообще можно назвать жизнью.

Наспех построенные из подручных материалов холодные, переполненные бараки, колючая проволока по периметру зоны, вышки с пулеметами и прожекторами. И каторжный труд с раннего утра до позднего вечера, в тайге, на лесоповале.

Утром мы получали по куску черного хлеба и по кружке кипятка. Вечером – по миске жидкой баланды и по два куска хлеба. Если конечно хлеб не отнимали уголовники, лютовавшие вовсю. Причем с согласия, а порой, с одобрения лагерного начальства. Ведь и для тех, и для других мы были врагами народа. Да и охрана старалась не отставать от блатных в жестокости по отношению к нам.

Особенно зловредным и изощренным в издевательствах над заключенными среди надзирателей был некто по фамилии Рыжик. За глаза же все называли его Моргуном. Прозвище «Моргун» приклеилась к нему потому, что он действительно постоянно моргал. С его лицом творилось нечто, напоминающее специфический нервный тик, который поразил, возможно в результате перенесенной когда-то болезни, оба глаза. И не исключено, что та же самая болезнь оставила на его лице еще одну печать: младший командир внутренних войск НКВД Рыжик всегда улыбался.

По лагерю тогда «гуляли» страшные слухи. Якобы по субботам часть надзирателей проводила своего рода карточные

турниры, на которые приглашали и лагерных «авторитетов». И ставкой в этих игрищах часто являлась жизни заключенных. Согласно данным того же лагерного телеграфа, самым азартным игроком был не кто иной, как Аполлинарий Мокеевич Рыжик.

Над страной тем временем сгущались тучи. Красная Армия испытывала ужасающий дефицит грамотных командиров всех уровней. Под давлением обстоятельств Сталин вынужден был дать приказ новому наркому внутренних дел Берия срочно пересмотреть дела арестованных военных.

Так что летом неожиданно для себя я в числе других командиров был освобожден из лагеря, восстановлен в звании и направлен в распоряжение недавно созданного Дальневосточного фронтового управления.

Добравшись до Хабаровска, я с замиранием сердца отправился в гарнизонный поселок. Но, увы, в нашей квартире жили люди, ничего не знавшие о судьбе бывших жильцов.

Первое, что я сделал, Володя, после официального представления меня руководству Управления и получения официального назначения командиром танкового соединения, это обратился к начальнику Управления Штерну с личной просьбой. Суть просьбы была внешне достаточно проста: получить сведения о судьбе моих девочек, жены и дочери.

Григорий Михайлович сразу же, при мне, позвонил по ВЧ наркому Берия. На том конце провода Штерна внимательно выслушали и обещали разобраться. Официальный ответ пришел в Управление телеграфом, крайне оперативно, на третий день, на мое имя. В документе, подписанном заместителем наркома ВД, сообщалось, что данные по аресту Василенко Евгении Валерьевны и Василенко Елены Викторовны в архивах наркомата и Генеральной прокуратуры СССР отсутствуют. Не числятся вышеуказанные гражданки также ни в списках ИТК Управления лагерей, ни в тюремных списках ГТУ НКВД.

Телеграмма эта стала для меня шоком! Она обрушила мои надежды, разом обрезав все возможные нити, все пути дальнейших поисков. По сути, мне уже некуда было обра-

щаться с официальными запросами. И все-таки я верил, что Женечка и Алена уцелели в безумной лагерной крупорушке.

Началась Великая Отечественная война. Поздней осенью 1941 года мое танковое соединение было переброшено под Москву.

В начале лета 1943 года бронетанковый корпус, которым я тогда командовал, в условиях полной секретности передислоцировали в район населенного пункта Валуйки, под Белгород.

Однажды утром мне позвонили по ВЧ из Особого отдела Армии.

– Товарищ Двенадцатый, к Вам направлен офицер Отдела Панарин. Доложит по прибытии.

Хриплый, слегка заикающийся голос начальника Особого отдела Дворникова был хорошо знаком мне. Мы встречались раньше. Когда-то и он служил на Дальнем Востоке.

* * *

Часа через два мне доложили о прибытии порученца. В комнату вошел офицер в общевойсковой полевой форме, в погонах майора. Майор передал мне запечатанный пакет. Документ за подписью генерала Дворникова, находящийся внутри, подтверждал полномочия майора Панарина. Подробности же были озвучены майором в устной форме.

Заключались они в том, что в помощь армейским частям придавались так называемые штрафные батальоны, сформированные из заключенных. Один батальон временно вводился в состав моего корпуса. Командовать им было поручено как раз майору Панарину. Эшелон со штрафниками прибывал через четыре дня.

Закончив обсуждение вопросов, Панарин попросил разрешения отбыть. Уже находясь в дверях, вдруг неожиданно произнес, с теплом в голосе, совсем не уставную фразу: «Рад, что мы наконец познакомились, Виктор Данилович». Меня эта фраза, честно говоря, удивила, но тогда я не придавал сказанному особого значения.

На следующий день дежурный офицер доложил, что звонили дважды из «хозяйства» Григоряна, то есть из госпиталя. Меня просили срочно прибыть лично. Госпиталь располагался совсем недалеко, в сельской школе, километрах в двадцати от штаба корпуса. Понимая, что у полковника Григоряна была веская причина для встречи со мной именно в госпитале, я отправился к нему.

В палате, куда меня привели, стояла всего одна кровать. Я не сразу узнал забинтованного от шеи до пояса человека, лежащего в кровати. Это был майор Панарин. Он тяжело, прерывисто дышал. Глаза были закрыты.

– У офицера очень тяжелое ранение. Попал под бомбежку. Но он очень настаивал на встрече с Вами. Григорян, скрепя сердце, уступил, – прошептала мне на ухо медсестра.

Раненый открыл глаза. Какое-то время мутный взгляд его бессистемно блуждал по комнате, потом остановился на мне. Постепенно глаза приобрели привычный ярко-голубой цвет.

– Виктор Данилович, у нас очень мало времени. Буду говорить самое важное.

В конце тридцатых я служил во внутренних войсках, в охране одного из женских лагерей Дальлага. Поздней осенью 1938 года, вечером, аккуратно в мою смену, в лагерь прибыло пополнение. Переключка завершалась, у стены остались только две женщины.

Старший по смене, заглянув в папку, выкликнул: – Васильева Евгения. Которая из вас? – Ни одна из женщин не ответила.

– Вы что же это, сучки, молчите? – Беззлобно, но повысив голос, спросил надзиратель. – Вы только вдвоем и остались: Евгения и Елена Васильевы. Сестры поди? Отвечать, я сказал!

Та, что постарше, подняла глаза, и тихим голосом, но внятно произнесла:

– Нет, не сестры, Елена моя дочь. Только фамилия наша не Васильевы, а Василенко. Я жена комдива Василенко, мы здесь по ошибке.

– А мне плевать, чья ты жена, – взвился надзиратель. – И здесь будете вы впредь: Васильева Евгения и Васильева Елена, согласно сопроводилкам. Понятно? Увести!

– Знаете, Виктор Данилович, запали мне в душу лица Ваших женщин. Было в них что-то очень чистое, светлое.

На следующее утро я заступал на дежурство по лагерю. Распределяя вновь поступивших заключенных, я отправил Евгению и Елену Васильевых на работу в пищеблок. Начальником лагеря тогда был некто Семенихин, старый большевик, из рабочих, бывший чекист. Идеальный и порядочный, в общем, человек. Утром я пошел к нему с подготовленным приказом, который он, пробежав глазами, подписал. Это все, что я смог тогда сделать.

Иногда после ужина в служебной столовой я заглядывал на кухню. Женщины как будто оттаивали, чувствуя мое внимание. Помню, с каким теплом и нежностью они рассказывали о вас, Виктор Данилович.

В начале марта Семенихина обнаружили в служебном кабинете, с простреленной головой, с табельным «наганом» в левой руке. Он на самом деле был левшой. Что конкретно толкнуло его к самоубийству так и осталось тайной.

Через три дня нам, сотрудникам, представили нового начальника, которого срочно перевели, с повышением, из соседнего мужского лагеря. Звали его Аполлинарий Мокеевич Рыжик.

Новый начальник сразу взялся за дело. В короткий срок этот смуглый, колченогий, с маленькими, злыми, вечно моргающими глазками и кривой усмешкой человек навел в лагере порядок! Конечно, такой порядок, каким его представлял себе он сам. Небольшую часть надзирателей он прибризил, создав как бы свою личную свиту, остальных согнул, как говорится, в бараний рог. И всех без исключения заставлял следить друг за другом и докладывать ему лично обо всем, что происходило в лагере.

Примерно через полтора месяца, при вечерней переключке недосчитались двух заключенных. Окоченевшие тела двух молодых женщин нашли через день в лесу, недалеко от железнодорожной станции. Женщин признали беглянками.

По лагерю тем временем, среди охраны, поползли странные какие-то слухи. Поговаривали, что в кабинете начальника несколько дней назад, поздним вечером, имела место пьянка с особо приближенными. И ничего в ней не было бы необычного или странного. Но из кабинета, где «гуляли», явно были слышны женские крики.

Было ли это правдой? Не знаю. Но два обмороженных женских трупа были правдой, ужасной правдой.

Через две недели после взбудораживших всех событий, меня вызвал начальник лагеря, и объявил, что согласно полученному приказу, несколько младших командиров из охраны, в том числе я, откомандировываются в распоряжение Особого отдела Управления. Нам следовало отбыть по назначению ровно через одиннадцать дней.

С одной стороны, меня это неожиданное известие обрадовало, ведь я получал шанс вырваться из лагерного ада. С другой стороны, я очень опасался, Виктор Данилович, за Евгению и Елену, особенно после трагических событий последних недель. Максимум, что я мог сделать для них, так это пройти незаметно, не привлекая внимания, в пищеблок, и предупредить их об опасности. Ведь после моего отъезда они оставались совсем одни, и рассчитывать на чью-либо защиту им не приходилось.

До моего отбытия оставалось ровно двое суток. На следующий день по графику наступала моя очередь дежурить по лагерю. Последний раз перед отъездом. Вечером свободные от смены надзиратели собрались в «красной» комнате. «Проставлялись» отбывающие из лагеря, в том числе и я.

Примерно в восемь утра ко мне в дежурную часть неожиданно пришел один из надзирателей, некто Назаров.

– Послушай, Панарин, погибаю! Страшный сушняк. Выручай, знаю, у тебя есть заначка. – Виноватым голосом, просительно заглядывая мне в глаза, буквально выдохнул мой ранний гость. Заначка у меня действительно была. Я предусмотрительно припас несколько бутылок водки, чтобы угостить ребят, дежуривших вчера. Назаров, держа дрожащими руками стакан с водкой, наполненный до краев, задержав дыхание, максимально бережно поднес его ко рту

и в три глотка опустошил. Потом шумно выдохнул и внимательно смотрел на меня.

– Панарин, а как тебя зовут? – Неожиданно спросил он. – А то херня какая-то получается, молодые, нормальные мужики, могли бы дружить, а имен друг друга, по сути, не знаем. Виталий, говоришь? Ну вот, Виталик, слушай меня, и слушай внимательно. Помнишь двух беглянок недавних. Так вот, никакие они не беглянки, чтоб ты знал.

В тот страшный день прибыли к Моргуну его дружки с мужской зоны: два вертухая из старшего комсостава и два «авторитета», воры в законе, один по кличке Нарком, второй – Саша Туркестанский. Побухали они вволю, а поздно вечером сели в карты играть. Причем Рыжик наш уважаемый сразу и говорит, мол, братва, денег у служивого нет, ставлю мол, на кон «мясо», то бишь молодых зэчек. Ну, и продулся в конце концов.

Привели девиц этих несчастных. Еще раньше, видимо, приказал Моргун вертухайше Егоровой женщин помыть и в чистое переодеть. Отдали их гостям начальника на утеху. Навеселились, думаю, те вволю. А как навеселились, еще бухнули и снова сели за карты.

А теперь блатные нашему колченогому говорят, что, мол, Хозяин, больше на кону «мясо» не канает, неинтересно, мол. Надо бы, Хозяин, чего-нибудь покруче поставить. И Хозяин, тварь эта, исчадие реальное, ставит на кон жизнь этих «коров», как он выразился. **ЖИЗНЬ!** Виталик, ты понял, что я говорю? Или мне продолжать?

А сейчас я скажу тебе самое важное. Рыжик говорил по телефону с мужским лагерем, сказал кому-то, что отбывает в командировку, а как вернется, снова соберет у себя компанию друзей. Сказал, что и «мясо» достойное уже надыбал, у себя на пищеблоке, сестренки двух. Виталик, не могу себе места найти, ночами вою от бессилия. Но что я могу изменить?!

– Виктор Данилович, поверьте, у меня потемнело в глазах от услышанного. Безусловно, под сестрами подразумевались Евгения и Алена.

Рыжик находился в командировке, так что за старшего был дежурный, то есть я. Немного придя в себя, пошел я в кабинет начальника, благо у дежурного, в соответствии с правилами, хранились все ключи, от всех комнат, шкафов и даже от сейфа. К сожалению, единственное, что я обнаружил в картотеке, так это сопроводительные списки прибытия заключенных в лагерь и запись в дежурном журнале, где Евгения и Алена числились, как Васильевы. Меня душила ненависть к людоеду Моргуну. Я открыл сейф, нашел папку А.М. Рыжика, и вынул из нее все документы.

Виктор Данилович! – С трудом шептал Панарин. – Время вышло. В моем планшете серый пакет для Вас. – Дай Бог, чтобы девочки были живы! –

Майор Панарин умер через два часа.

* * *

Пытаясь унять дрожь в руках, я вскрыл конверт. Из нескольких листков, сложенных пополам, выпала небольшая, служебного формата, черно-белая фотография. С нее на меня пристально и как-то непривычно смотрел мой старый знакомый, Апполинарий Мокеевич Рыжик. Непривычно, ибо здесь, на фото, он, естественно, не моргал. Но снимок не мог избавить его лица от кривой, как бы приклеенной, улыбки. Да и глаза его, напряженно прищуренные, с черными точками зрачков, исторгали такую дьявольскую энергетику, что мне стало страшно. На меня будто повеяло могильным холодом. Один только вид этого зверя в человеческом облике способен был убить во мне веру, что девочки живы. Однако сдаваться и опускать руки не входило в мои намерения.

Созвонившись, я поехал в Особый отдел армии, к генералу Дворникову. Кратко изложил ему свою ситуацию, со всеми деталями, показал бумаги, полученные от Панарина, и попросил спасти жену и дочь, если они, конечно, были еще живы. Дворников по высокочастотной линии связи кому-то позвонил в Москву, и настоятельно попросил срочно связаться непосредственно с лагерем, чтобы, пока будет оформ-

ляться документация, Евгении и Елене была обеспечена защита и нормальные бытовые условия.

И еще, неожиданно для меня, генерал попросил прислать ему исчерпывающие данные на Аполлинария Рыжика.

Через день, ранним утром пятого июля началось сражение, вошедшее в историю, как «Курская дуга». Седьмого генерал Дворников прибыл на мой командный пункт. Конечно, у него были свои дела на всех участках фронта, но я уверен, что приехал он из-за меня.

Привез же мне генерал Дворников страшное известие. Из Москвы ему сообщили, что по данным Дальлага, заключенные Евгения Васильева, такого-то года рождения, и Елена Васильева, такого-то года рождения, умерли девятого мая 1939 года, о чем в лагерном архиве хранились соответствующие акты. А еще Дворников передал мне лист бумаги, на котором было от руки написано, что А.М. Рыжик в начале 1940 года переведен из Дальлага в распоряжение центрального аппарата НКВД, в Москву, где прошел стажировку. В июле 1941 года направлен в распоряжение Особого отдела формирующегося Резервного Фронта, откуда совсем недавно, в июне 1943 года, в чине подполковника отбыл на Северо-Западный фронт.

К сожалению, опасения покойного майора Панарина оказались для меня трагической реальностью. И ошибаются, Володя, мои соседи и друзья, думая, что известия о судьбе моих девочек я получил совсем недавно. Это не так. После Двадцатого съезда КПСС, когда всю работу комиссии по реабилитации, когда при необходимости, как в моем случае, проводили тщательные расследования, я получил официальный документ. Из него следовало, что Евгения и Елена ВАСИЛЕНКО действительно умерли девятого мая 1939 года в учреждении номер такой-то Управления Дальлаг, от обморожения, и захоронены в соответствии с существовавшими правилами. Точные данные о захоронении отсутствовали.

Постепенно я свыкся с болью, ставшей частью меня. Я убеждал себя, что девочки мои живы, в безопасности, про-

сто находятся далеко отсюда. И почти поверил в реальность придуманной мною сказки... если бы не Рыжик, мысли о котором не покидали меня.

Чтобы не сойти с ума, я стал искать способ побега от изнуряющих меня видений. Спирт оказался этим способом, самым простым и доступным. Ибо на фронте проблемы с ним не было никакой. Алкоголь не вызывал чувства опьянения, но давал мне, на короткое время, передышку, отключая сознание. Мне хватало этого времени, чтобы провалиться в черный, бездонный колодец сна. Сна без сновидений.

Вот и в тот вечер я выпил свою дозу «наркомовского» спирта. И прилег на раскладную кровать. Опустив веки, я лежал в ожидании сна. Но что-то пошло не так. Совсем не так, Володя, как обычно.

Замигав, погасла маленькая, слабая лампочка, освещавшая комнату в бывшем правлении колхоза, где находился мой командный пункт и где я, по сути дела, жил. Но через несколько мгновений лампочка засветилась вдруг необычно ярким, удивительным голубым свечением.

Открыв глаза я с удивлением обнаружил, что вокруг уже ничего не напоминает былую убогую обстановку моего пристанища.

Раскладная кровать стояла в центре незнакомого помещения, без окон и дверей, с идеальной геометрией стен и потолка, поверхность которых матово отсвечивала в голубом свете. Тишина в помещении была полной, неестественной даже. Казалось, что материал стен, полов и потолка гасил любые, даже слабые звуки. Я откашлялся, но не услышал себя. Не понимая, что происходит, я вдруг почувствовал, именно почувствовал, что в помещении я не один.

У стены напротив стояли несколько человек. Нет, людей я не видел, я не видел даже очертаний их фигур, и, вообще, кто знает, а были ли они людьми в привычном для нас земном понимании. Но я их ЧУВСТВОВАЛ, и это было бесспорным фактом.

Один из них заговорил. Не в прямом смысле этого слова, ибо ни один звук так и не нарушил стерильной тишины по-

мещения. Но я готов под присягой подтвердить, что слышал ровный, негромкий мужской голос, четко и внятно произносивший слова и фразы. Смысл же услышанного сводился к тому, что любое зло должно быть, безусловно, наказано в определенное время.

Имени Аполлинария Рыжика никто не озвучивал, но было ясно – речь идет именно о нем. Мне было сообщено, что суд по делу состоялся, и именно я был обязан привести в исполнение смертный приговор. Так гласил Закон: «Зло, совершенное на Земле, и караться должно только на Земле, руками землянина». Встреча с преступником состоится не сейчас, а спустя время. Надо быть готовым к ней. И не забывать, что у Рыжика есть могучие покровители на другой, темной стороне миропорядка. Поэтому в помощь мне будет выбран молодой человек, для подстраховки в любой ситуации и возможной, в особых случаях, подпитки моего энергетического ресурса.

Вот так ты появился в моей жизни. Но почувствовал я это, забегая вперед, не в момент нашей первой встречи, а чуть позже.

Однако самой важной для меня стала фраза, что в строго назначенный срок мне предстоит встреча с моими девочками, потом, в другом измерении, когда и я сброшу свою земную биологическую оболочку.

Пришел я в себя, Володя, на рассвете, когда совсем недалеко от командного пункта стала «работать» наша артиллерия. И знаю я точно – все, что произошло той ночью, не было сном.

Война давно закончилась, я же терпеливо ждал. После той июльской ночи сорок третьего года полностью изменилось мое мировоззрение. Зная теперь, что жизнь не ограничена привычными для землян тремя измерениями, я, получив ордер на новую квартиру, первым делом оборудовал комнаты для нас с Женечкой и для Алены. И я действительно ощущаю их присутствие. Мы общаемся. Только я произношу слова, а они отвечают при помощи понятных мне знаков. И, конечно, каждую ночь я разговариваю с ними во сне.

И знаешь, Володя, я стал почти счастливым человеком. Я стал спокойно спать, вел активную жизнь, делал ежедневную зарядку, следил за своим внешним видом, активно посещал все мероприятия Совета ветеранов, в котором состоял. И ждал. Терпеливо ждал.

Спокойное и размеренное течение времени для меня резко оборвалось три года назад. Девятого мая, в День Победы, мы, ветераны войны, собрались в сквере у Большого театра. Все как всегда: радостные возгласы, объятия, музыка. И старые боевые друзья, которых, увы, становилось от праздника к празднику все меньше и меньше.

Не знаю почему, мое внимание вдруг привлек седой ветеран, в форме полковника, стоявший в нескольких метрах, спиной ко мне. Что-то стало происходить со мной. Сердце отчаянно заколотилось в груди, тело внезапно покрылось холодным потом. Я не мог оторвать взгляд от спины и затылка полковника. И он почувствовал мой взгляд.

Медленно незнакомец стал поворачиваться в мою сторону. Пытка ожиданием продолжалась, казалось, целую вечность. Я опустил на мгновение веки, когда же я широко открыл глаза, то увидел знакомое до боли, ненавидимое мною, отвратительное лицо с моргающими глазками, из которых, как оружейные стволы, глядели черные пустые зрачки. С кривой, как бы наклеенной, улыбкой.

Передо мной стоял живой, как говорится, во плоти, **АПОЛЛИНАРИЙ МОКЕЕВИЧ РЫЖИК!** Почти не изменившийся с конца тридцатых годов, только поседевший и облаченный в полковничью форму.

Испытал ли я шок? Не знаю, Володя, не уверен. Я ведь знал, что наша встреча обязательно состоится. Когда же я пришел в себя, Рыжика в сквере уже не было.

Факт его исчезновения меня не особо расстроил. Стало ясно – процесс обратного отсчета запущен. Начинался этап реального противостояния, конкретной борьбы двух СИЛ – Добра и Зла. Но теперь, когда нас двое, и одновременно мы как бы одно целое, я совершенно спокоен и в нашей победе не сомневаюсь!

Ну вот, Володенька, теперь ты знаешь все.

* * *

Я же будто находился в состоянии каталепсии, не чувствуя своего тела, слыша лишь голос генерала.

Неожиданно перед моими глазами вдруг стали возникать живые картинки, яркие и четкие, пугающие своей реалистичностью. Очевидно, мне тоже разрешили переступить грань другого измерения. Или голос Виктора Даниловича оказал на меня гипнотическое воздействие.

Я видел красную конницу, несущуюся во весь опор по желтой степи, молодого бойца с азартом размахивающего саблей, наблюдал, с высоты птичьего полета, за скопищем огромного количества бронированных монстров, с красными звездами и белыми крестами на бортах, беззвучно плюющих огнем друг в друга.

Затем я шел по поверженному, разрушенному Берлину, пытаюсь сквозь дым увидеть крохотную точку флага Победы над куполом рейхстага.

Любовался рассветом в горах, сидя на влажном от росы, замшелом валуне. Мерз при виде бескрайних заснеженных лесов, где копошились на лесоповале кажущиеся издали маленькими, игрушечными фигурками, заключенные лагеря.

Но, думаю, самое главное из того, что я увидел и запомнил, – это лица Женечки, и Алены. И, конечно, физиономия Аполлинария Рыжика. Теперь я, как и генерал Василенко, знал в лицо нашего общего с ним врага.

* * *

Впоследствии я часто возвращался мысленно к тому удивительному путешествию в неизведанное, пытаюсь понять его природу, суть. И определить, изменилось ли что-то во мне после памятного дня, проведенного в квартире генерала Василенко.

Внешне все как бы оставалось по-прежнему: я готовился к экзаменам, ежедневно мотаясь из центра Москвы на Донскую улицу, где находился ВУЗ, или просиживал часы в библиотека. Но суета эта занимала меня только днем. Ночами же, засыпая в квартире Капитолины Леонардовны,

в центре столицы, на улице имени Мархлевского, я просыпался... Просыпался ли? А может просто оказывался в совершенно другом измерении, причем каждый раз в новой реальности.

Все происходило, я почти не сомневался в этом – наяву. Только, к сожалению, я не видел себя со стороны и не знал точно, в чьем обличье я выступал: в своем или Виктора Даниловича. Да это, собственно, было и не важно – главное было вместе довести порученную миссию до логического конца.

Можно сказать, что я проигрывал, проживал различные сюжеты, фрагменты которых мне показали в квартире генерала Василенко. Разным был антураж, да и действующие лица постоянно менялись. Единственное, что повторялось, – и это было главным – в своих путешествиях я выслеживал, отлавливал в коридорах Времени злодея, Апполлинария Рыжика.

И приводил в исполнение Приговор!

* * *

Настоящего мужчину в горах я представлял себе с ружьем за плечом. Для важности конечно. Мы ведь шли не на охоту, а просто в поход. Ружья же не было даже у Горика, нашего проводника. Был только мощный электрический фонарь.

И все-таки оружие при мне было. Оно было тщательно упрятано за поясом, под курткой. Оружием этим была рогатка. Конечно, словосочетание «оружие – рогатка», может вызвать улыбку, но надо сказать, что я преуспел и в мастерстве изготовления сего примитивного, казалось бы, металлического приспособления и к тому же прекрасно им владел.

Ручку – рогатину, или рогачек, как ее называют, я вырезал из тщательно подобранной ветки самшита, древесина которого славится своей прочностью. Она была идеально ошкурена наждачной бумагой средней фракции, то есть умеренно шершавой. Покрытый матовым нескользким лаком, рогачок прекрасно «сидел» в сжатой ладони руки. Для тетивы был использован упругий жгут так называемой

авиационной резины, намертво закрепленной на рукоятки латунными скобами. «Седлом» для снаряда служил кусочек мягкой, но прочной свиной кожи. И, наконец, сами снаряды. Для них прекрасно подходили круглые камешки соответственного размера, коих при мне имелся некоторый запас.

Учитывая, что на расстоянии двадцати, примерно, метров я без проблем попадал из рогатки в пустую бутылку, которая при этом со звоном разлеталась на мелкие осколки, нужно было бы еще подумать, прежде чем отнестись к рогатке, как к детской забаве.

Фонарь в пути нам не понадобился. Горик родился и вырос здесь, в горах, изучил буквально каждый квадратный сантиметр огромной территории, знал каждый перевал, каждую тропинку, каждый родник. Такой проводник мог бы и с завязанными глазами вести нас.

К тому же, луна, подвешенная, как огромный зеленовато-желтый светильник в безоблачном, чистом небе, прекрасно освещала округу. Было что-то завораживающее в этом, нетипичном для ночи, непривычно ярком свечении, будто струившемся сверху на землю ровным, бесшумным потоком, делающим все предметы вокруг, и крупные, и мелкие, даже камешки на тропе, объемными, четкими, почти стереоскопическими по ощущению, прорисовывая их очертания резкими и глубокими черными тенями.

Целью похода было восхождение на одну из ближайших гор, где на рассвете открывался только из определенной точки, по убеждению Горика, ни с чем не сравнимый вид. И сейчас наш маленький караван упорно продвигался вверх, поднимаясь все выше и выше, оставляя далеко внизу спящее, невидимое отсюда село.

Мы добрались до нужного места, когда небо на востоке стало светлеть, очерчивая легким зеленоватым контуром величественный абрис дальних гор.

Поляна, на которую мы вышли, оказалась небольшой ровной площадкой, уютно расположенной среди огромных сосен. По поляне, казалось, искусственно были разложены

ландшафтным архитектором в декоративной композиции огромные замшелые валуны.

– Пришли! – Громогласно объявил Горик. – Отдыхаем и ждем! Камни сырые, учтите, и берегитесь змей, будьте внимательны.

Мох на валунах действительно оказался мокрым и скользким. Предусмотрительный наш проводник выдал каждому по куску клеенки. Исследовав территорию при свете своего фонаря, который светил, как прожектор, и убедившись, что ползучих гадов поблизости нет, Горик разрешил нам сесть на камни.

Не знаю, что именно необычного и уникального предстояло еще увидеть, но картина, открываясь нам, уже захватывала фантастической своей красотой. Сама поляна, на которой расположился наш маленький отряд, казалась сказочной капсулой, наполненной серебристо-зеленоватым светом, свежим, холодным, пьянящим воздухом, совершенно не похожим на привычный воздух города, и заброшенной сюда, в окрестности села Цебельда, из других миров. Живописные валуны, освещенные необычным этим светом, отбрасывали черные глубокие тени, вызывая невольное сравнение с лунным пейзажем. С трех сторон поляну окружали молчаливо уходившие ввысь гигантские сосны. Темная плотная стена вековых деревьев могла вызвать чувство тревоги или даже страха, но и здесь безвестный художник мастерски прошелся по картине, прорисовывая лунным светом, как кистью, очертания крон, часть ветвей, тактично касаясь местами стволов деревьев. И хоть воздух сейчас был неподвижен, возникало полное ощущение, что деревья дышат, живут тайной своей жизнью, общаются между собой легким шелестом крон, почти незаметным, загадочным и трепетным касанием ветвей.

Сквозь идеально прозрачные стены капсулы была хорошо видна и тропа, по которой мы добрались сюда. Отсюда, сверху, казалась она светящимся потоком, ручьем, вольготно стекающим вниз и резко исчезающим в темноте ложбины. Видимо, усыпана она была сплошь мелкими кусочками гранитной породы, и лунный свет активно отражался от многочисленных частичек слюды, вкрапленных в камни.

Порой казалось, что искорки света поднимаются вверх и парят над тропой. Прекрасно различимые на темном фоне склона горы, напоминали они рой светлячков. Правда, пора светлячков в Абхазии приходится на начало лета, а сейчас стоял конец июля. Но какое это могло иметь значение?

Ночь нехотя сдавала свои позиции, полоска нарождающегося рассвета над горной грядой становилась все шире и светлее, меняя зеленоватый оттенок на розовый. Лунный диск бледнел, звезды теряли свою яркость. Через некоторое время звезды исчезли совсем, а от луны на светящемся небе остался лишь тонкий, едва видимый контур. Исчезали, растворяясь в теплом воздухе, ночные тени.

Пейзаж вокруг нас окрашивался в привычные цвета. Правда, пока они были робкими, несмелыми, написанными как будто легкими, прозрачными акварельными красками. Однако прямо на глазах цвета становились все более яркими и насыщенными. Трава на поляне оказалась нежно-зеленой, валуны серого камня, на которых мы сидели, были покрыты темно-коричневым, местами фиолетовым, бархатистым мхом. Сосны, окружающие нас, уже не выглядели однородной темной массой. Оказалось, что у них разные, темно-красные или рыжие стволы и темно-зеленая крона.

Прибывающий свет гнал тени дальше, упорно спускаясь в ложбины и ущелья, ниже и ниже, выявляя, прорисовывая, как на фотобумаге, лежащей в проявителе, сложный горный рельеф. Тропинка, переставшая быть искрящимся потоком, уютно сбегала с поляны серой змейкой, теряясь уже не во тьме, а в хорошо видимом густом кустарнике, оттенявшем светлой зеленью деревья, теснившие его с двух сторон.

Тем временем из-за гор величественно, не торопясь выплывало светило. Небо тут же изменило цвет, став густо-голубым и высоким, высоким, почти бездонным.

И началось что-то невообразимое!

Природа Абхазии вообще уникальна, разнообразна и удивительно красива. Казалось бы, нас, родившихся и выросших здесь, среди этих красот, трудно было чем-либо удивить. Но такого поразительного зрелища, происходившего

на наших глазах, думаю, не приходилось ранее видеть никому из нас. Ни в реальности, ни в кино, ни во снах.

Как будто неведомый волшебник-художник пытался полностью ошеломить нас, покорить наше сознание, демонстрируя фантастическую, завораживающую своей красотой и необычностью технику живописи. Казалось, сверху струятся мощные пучки света. У самой поверхности земли пучки эти рассыпались на множество ярких оранжевых лучей. Тонкие, светящиеся, пульсирующие, как живые, лучи эти с завидной скоростью и усердием начинали скользить по горным вершинам, по кронам деревьев, по листьям кустарников, изящно выявляя и подчеркивая их очертания, будто делясь с окружающим миром светом и живительной энергией своей, превращая даже камни в трепетную живую материю.

Освещенные солнцем склоны гор приобретали тепловатый оттенок, тени же, коих множество создавалось рельефом, утопали в ярко-синем и холодном, как на картинах импрессионистов, цвете. И все это теплое и холодное, радужное, оттененное золотым контуром великолепие уходило дальше и дальше, по нисходящей. Гора за горой, холм за холмом, ущелья, расщелины, глубокие ложбины каскадами сбегали вниз, купаясь в доминирующем сине-голубом светлеющем вдали свечении, чтобы окончательно раствориться в фиолетовой дымке горизонта. Самым же поразительным было то, что фиолетовая полоска не завершала потрясающий по силе воздействия пейзаж. За ней раскинулось во всем величии море.

Конечно, это было иллюзией, созданной Живописцем. Отсюда, с высоты нашей поляны, из окрестностей Цебельды, море было невозможно увидеть даже в мощный бинокль. Я же готов под присягой подтвердить, что ВИДЕЛ море! Именно видел, а не просто чувствовал, зная точно, что оно есть там, за невидимой линией горизонта.

Местами гладь его была бирюзовой, а местами цвета темного ультрамарина. Порой воспринималось оно серебристым шелком или слепящим глаза расплавленным золотом. А еще ворчливым живым существом, раздраженно перека-

тывающим бесчисленные высокие черные волны, увенчанные белыми бурунами остро пахнувшей йодом пены.

И совсем не удивительно для волшебного приключения, что все, не стовариваясь, восхищенно воскликнули что-то вроде: – Ребята, отсюда же видно море!

Солнце поднималось в зенит. Фантастическое шоу, ради которого явно стоило недоспать и пару часов карабкаться ночью в горы, закончилось. Мы же потихоньку приходили в себя, полностью обессиленные. Не в состоянии даже обмениваться впечатлениями.

Горик доставал из рюкзака пакеты с «сухим пайком», когда в лесу, совсем недалеко, прозвучал сдвоенный выстрел. Кто-то стрелял из охотничьего ружья «дуплетом», сразу из двух стволов. И не успело стихнуть заметавшееся между деревьями громкое эхо, взорвавшее тишину уютной поляны, как вслед звуку выстрела из леса донесся леденящий кровь рев невидимого нам, но судя по звуку, крупного животного. Рев этот, а вернее, вой, поражал трагизмом, ибо явно был наполнен болью и страданием. Через несколько мгновений вой прекратился. Мы застыли от неожиданности и страха, только Горик, вскочив на ноги, выкрикнул:

– Медведица!!! (Именно так: Медведица, а не Медведь). Кто мог стрелять в медведицу?! Охота здесь вообще запрещена! Тем более что наши медведи не уходят в зимнюю спячку, как северные, зимой и весной у них часто появляется потомство! Значит, сейчас при ней могут быть детеныши! Ни один местный житель не решился бы на такое варварство!

И пока Горик пытался разобраться в ситуации, среди деревьев и кустарников послушался шум. Кто-то прорывался сквозь заросли. Через несколько секунд на край полянки выкатились два больших мохнатых рыжих шара.

– Медвежата!!! – С тревогой и болью в голосе, произнес наш проводник. – Я же говорил!

Мы, затаив дыхание от неожиданности, широко раскрыв глаза, смотрели в упор на двух слегка повизгивающих, довольно крупных детенышей. Поэтому появление на поляне

нового действующего лица было замечено не сразу. Невысокий коренастый мужчина в брезентовой куртке с поднятым капюшоном, с ружьем в руках неожиданно возник в поле зрения. На нас, мальчишек, он как бы не обращал внимания, глядя в сторону животных. Пройдя еще несколько метров, человек вскинул ружье, целясь в медвежат.

Потом я неоднократно возвращался мысленно в этот день, и сейчас воспринимаю его через призму прожитых лет, знаний и жизненного опыта. Но тогда я, мягкий, хорошо воспитанный, медлительный подросток, сам удивился своей реакции и отваге.

Увидев ствол ружья, направленный на малышей, я, схватив увесистый булыжник, рванулся в сторону незнакомца, громко крича срывающимся голосом непривычные для себя фразы. Что-то типа: – Урод, подонок, ты что творишь, мать твою. Зашибу на хрен, тварь!

От неожиданности охотник опустил ствол ружья и повернулся в мою сторону. Медведи, видимо, придя в себя и сообразив, что от людей ничего хорошего ждать не приходится, ринулись, смешно подпрыгивая, к лесу и исчезли среди деревьев.

Держа ружье в правой руке, левой мужчина медленно откинул капюшон куртки. И я отчетливо увидел его лицо. Смуглая кожа, кажущаяся совсем темной из-за седых волос на голове, постоянно моргающие глаза с темными, пустыми зрачками, и перекошенный рот с застывшей, вызывающей ужас гримасой, напоминающей кривую улыбку.

Покачнулась подо мною поляна, кто-то выключил, как электричество, солнечный свет, оставив в полной темноте только луч фонаря, направленного в лицо мужчины с ружьем. Привычные представления о времени и расстоянии разом потеряли смысл. И хотя я физически не сдвинулся ни на метр, казалось, что лицо мужчины приблизилось ко мне вплотную, и я смотрел на него в упор.

Лицо человека, стоящего напротив меня, было хорошо знакомо мне. Я знал каждую морщинку на его лице. Я мог описать его в любой момент с закрытыми глазами в мель-

чайших деталях. И вообще, я знал об этом человеке все! Не о человеке даже – о монстре, об исчадии ада, садисте и убийце, на чьей совести было огромное количество загубленных жизней. На вопрос – откуда, я бы ответил: мне показали его во сне! И рассказали о нем все!

Теперь-то я знаю, что мои встречи с Аполлинарием Рыжиком, конечно, происходили не во сне, а в реальности иных измерений. Так или иначе, я знал, что это ОН, а он догадался, что я знаю это, и не просто знаю, а причастен к истине и несу на себе определенную часть Миссии. Он понял это, и медленно подняв ружье, направил его на меня. Палец Рыжика лежал на спусковом крючке, зверская улыбка на его лице выражала, видимо, торжество. Я же испытывал болезненное чувство обиды, ибо ружья у меня не было, а камень в моей руке был сейчас бесполезен.

Мышцы мои машинально напряглись. И что-то неожиданно кольнуло в бок. Да это же рогатка, сообразил я.

Палец моего визави плавно потянул крючок спуска, слышался отчетливый металлический щелчок, но выстрела не последовало. Удивленный стрелок нажал на спуск вторично, но курок и второго ствола только лишь щелкнул. Видимо, выстрелив в медведицу из обоих стволов, убийца ринулся за детенышами, забыв в угаре перезарядить оружие. Уверенный в том, что все подконтрольно только ему, и именно он, Рыжик, главенствует сейчас на горной поляне, театрално медленно, не глядя на жертву, убийца перезаряжал ружье.

И это было фатальной его ошибкой! Он не видел меня несколько секунд. Ибо, когда Рыжик, наконец, взвел оба курка и поднял глаза, Фортуна, образно говоря, уже перешла на другой край поляны.

Руки мои крепко сжимали не камень, а маленькое метательное чудо, созданное мною, друга, напомнившего о себе в самый нужный момент. Нет, не правильно – не сжимали: рогатка была частью моей плоти, естественным продолжением моих конечностей, грозным оружием, призванным остановить, в конце концов, преступника.

Все возвращалось на круги своя!

Рыжик, поняв это, вдруг перестал моргать и, как воробей под гипнотическим взглядом удава, смотрел только в одну точку, на мою правую руку, на «седло» рогатки, где притаилась маленькая, круглая ЕГО смерть.

И снова связали нас биотоки, выстраивая между нами привычный уже мост. Снова я приблизился к его лицу, увидел страх, гнездившийся в пустых его глазах, ощутил мерзкий запах гнили, источаемый перекосившимся ртом, «ароматы» пота и мочи, исходявшие от его одежды. Поднять ружье он и не пытался, хотя продолжал держать его в руках. Да вряд ли бы и смог!

Я все еще крепко сжимал «седло» с зарядом, воочию представляя, как в замедленной киносъемке, со свистом вырвавшийся на свободу маленький камешек, наблюдая, как понесется он, вращаясь, в нужном направлении, руша все законы оптики, зрительно увеличиваясь в размере, превращаясь в мощный гранитный шар, от которого нет спасения.

Как разрывается темная кожа лица, покрывается трещинами и лопается лобная кость, как взрывается зеленоватый, вонючий мозг и со звоном, как пустая пивная бутылка, разлетается голова уroda.

Наверное, я впервые ощутил удовлетворение от происходящего со мной. Не именно сегодня, а от происходящего вообще! И на душе стало удивительно спокойно!

Пора! Я собрал мышцы и сознание в один мощный комок энергии, задержал дыхание, еще раз, как точный прибор, отметил расстояние до лба зверя в человечесем обличье и...

* * *

Вступительные экзамены в институт я сдал успешно, но, увы, по конкурсу не прошел. В Москве мне делать было уже нечего, я купил билет на самолет, собрал одежду и книги в старый отцовский чемодан, и пошел прощаться с Виктором Даниловичем. Но дома генерала не оказалось. Не нашел я его и во внутреннем двореке, где он часто, сидя на скамейке, читал газеты.

...Перед расставанием мы присели, по старому обычаю, перед дорогой с Капитолиной Леонардовной. Добрая и эмо-

циональная хозяйка квартиры всплакнула, картинно прикоснулась кружевным платком к влажным глазам, обняла меня, и протянула мне пакет. В дороге пригодится, как сказала она. Я догадывался, что было в пакете: любимые ее конфеты, «Кара-Кум».

Теплый сухумский сентябрь пролетел незаметно, в октябре же меня призвали в армию. Служить меня занесло на Север, в Мурманскую область, в часть, стоявшую недалеко от города Кандалакша. Но три года прошли, и вот тебе – дембель!

Поезд прибывал на Ленинградский вокзал Москвы в шесть утра, а покинуть столицу мне предстояло на другом, сухумском поезде, который уходил с Курского вокзала вечером, без чего-то восемь. Времени было море, и я пошел пешком. Ноги сами привели меня на улицу Мархлевского. А вот и генеральский дом. Что-то защемило в груди. Мне понадобилось некоторое время, чтобы преодолеть внезапно возникшую робость и войти внутрь.

Сердце забилося часто, часто, когда я остановился у квартиры Виктора Даниловича. На лбу почему-то выступил пот, тело охватила слабость. Рука легла на кнопку звонка, но заставить себя нажать на нее я так и не смог. Вытерев пот со лба платком, я шагнул к двери с табличкой «И.С.Дмитрук» и позвонил.

Через несколько секунд – о радость! – изнутри в замочной скважине провернули ключ, щеколда характерно клацнула, и дверь отворилась. На пороге стояла, широко раскрыв глаза от удивления, Капитолина Леонардовна.

Женщина расспрашивала меня об армейской жизни, о самочувствии родителей, о планах на будущее. Хорошо зная свою собеседницу, я видел, что ей не терпится рассказать мне нечто важное. Я пожалел Капитолину Леонардовну и произнес:

– Что это мы все обо мне, да обо мне? Расскажите-ка и вы, что нового в Москве, в доме нашем, произошло за три года моего отсутствия?

– Володенька, много чего случилось за время твоего отсутствия. А главную новость расскажу, так ты не поверишь! Правда, не поверишь! СМЕРТОУБИЙСТВО!!! Да, да! Убийство человека! И кто убийца? Виктор Данилович Василенко!

Вот слушай! Наступают, Володенька, майские праздники – это в прошлом году. С Виктором Даниловичем все в порядке, на удивление. Девятого мая генерал утром бреется, облачается в парадный мундир и едет, по традиции, как бывало раньше, до болезни, к Большому театру. После встречи у театра идут ветераны в кафе, отпраздновать День Победы.

Выпили старички по сто грамм, как на фронте, за Победу, помянули, наверное, друзей своих, не доживших до этого дня, всплакнули немного и стали расходиться по домам. И тут вдруг подходит генерал Василенко к соседнему столику, где тоже сидели ветераны, подзывает какого-то полковника и выходит с ним на улицу.

Мне, Володя, все это рассказали подробно.

Так вот! Выводит, значит, наш генерал этого полковника на улицу, за угол кафе, и ставит спиной к стене. Сам же отходит на несколько шагов, и достает из кармана, на глазах изумленных друзей... Что бы ты подумал, Володя?! Никогда не догадаешься! А достает генерал Василенко, – тут рассказчица широко открывает глаза и, выждав паузу, громко, по слогам, произносит: – РО-ГАТ-КУ!!! Обычную детскую рогатку! Говорят, что ее Виктор Данилович смастерил сам.

И пока присутствующие удивленно переглядывались, Виктор Данилович прицелился в полковника, выкрикнул:

– «Сдохни, нечисть», – и запустил тому в голову стальным шариком! Рассказывают, что голова несчастного разлетелась буквально на куски. И ведь тот даже и не пробовал уклониться или убежать. Стоял, как изваяние, молча. Обмочился, говорят перед смертью, от страха, видимо.

Уже потом я узнала, что полковник этот – бывший особист, до войны был лагерным надзирателем, вертухаем, как их называют. И что на совести его десятки загубленных жизней. И что именно он повинен в смерти жены и дочери генерала Василенко. Я, Володя, даже запомнила его фамилию – Рыжик!

Виктора Даниловича отправили в лечебницу, но через полгодапустили, признав официально, что опасности он для общества не представляет. Подлечили его капитально. Ведет он себя тихо, живет замкнуто, но, как и раньше, доброжелателен ко всем. В теплые дни он иногда отдыхает в скверике и будто ведет размеренные долгие разговоры с невидимыми собеседниками, ибо кроме него на скамейке в этот момент больше никого не наблюдается. Говорит он обычно очень ласково, даже нежно и часто улыбается. И я догадываюсь, с кем он общается в эти минуты, и что происходит в его душе!

Дорогая Капитолина Леонардовна, но разве Вы могли догадываться, что происходит сейчас в моей душе! Если бы только Вы знали о тех воистину фантастических событиях, произошедших с момента моего знакомства с генералом Василенко! А ведь Вы оказались в той или иной степени причастны к мистической этой истории, связавшей судьбы Виктора Даниловича Василенко, мою и Аполлинария Рыжика в сложнейший, запутанный, мистический узел.

И что генерал действительно выполнял миссию, и что именно ему было предназначено поставить последнюю точку в истории Рыжика. И он ее поставил! Стальным шариком от подшипника! А я, как выясняется, будучи энергетическим двойником генерала, прорабатывал различные варианты исполнения Приговора.

Время же неумолимо отсчитывало часы, минуты, секунды, приближая грядущий мой отъезд. Пора было прощаться. Капитолина Леонардовна не скрывала слез.

Щелкнул замок закрывающейся за мной двери, я прошел по мраморному полу площадки к лестнице, спустился на несколько ступенек и... Нет, не мог я так просто закрыть такую важную страницу моей жизни, уехать, не попытавшись увидеть Виктора Даниловича!

Громкая трель электрического звонка заполнила, казалось, весь объем лестничных маршей «генеральского дома» Дверь моментально распахнулась, будто хозяин квартиры ожидал моего звонка, стоя за ней!

– Заходите! – Не давая мне открыть рта, произнес генерал.

Он широко и тепло улыбался мне, однако смотрел на меня он как-то странно, непривычно, будто мимо или сквозь меня. Так обычно улыбаются незнакомым людям. И потом, почему – заходите, а не заходи?

– Виктор Данилович, здравствуйте! – Негромко, борясь с комком в горле, произнес я.

– Хотя я и не в форме, ко мне следовало бы обратиться по уставу, а именно – товарищ генерал! Ну ладно уж, давайте, – мягко упрекнул меня хозяин квартиры, протягивая руку. Заметив мое замешательство, удивленно спросил:

– Так Вы не из «Военного обозрения»? Нет? А, вы, наверное, к Елене Викторовне. Так ее сейчас нет дома.

Ком в горле душил меня. Еще немного, испугался я, расплачусь, как ребенок. Виктор Данилович не узнал меня!!! Неуклюже извиняясь, якобы за ошибку в номере квартиры, я с трудом выдавил из себя: – Разрешите идти, товарищ генерал? – И получил в ответ тоже уставную фразу, смягченную улыбкой: – идите, товарищ солдат!

...Меня не узнал человек, с которым судьба связала такими прочными, такими необычными узами! Разве можно было забыть, что мы оба оказались участниками этой мистической драмы. Но ведь у меня и у Виктора Даниловича были все-таки разные роли. И совсем разные судьбы были предопределены каждому из нас как до, так и после нашей с ним встречи. Именно здесь, понял я, и лежит ключ, реальное объяснение всему.

Было важно понять, кого же я встретил несколько минут тому назад? Сомнений тут не было – я общался со счастливым человеком!!!

Да, Виктор Данилович Василенко обрел наконец-то покой и счастье. И что было поразительным и одновременно вполне объяснимым, так это то, что генерал жил жизнью счастливого семейного человека. Я вспомнил радостные слова Виктора Даниловича об общении его с женой и дочерью, в памяти встал и рассказ Капитолины Леонардовны о дол-

гих разговорах генерала в скверике с невидимыми якобы собеседниками.

И вдруг меня пронзила мысль! Ведь что-то очень удивило меня, когда я вошел в прихожую Виктора Даниловича. И как только я не понял этого сразу?!

Я ведь был в квартире, где ощущалась та самая женская аура, об отсутствии которой здесь я когда-то размышлял. Она явно витала в воздухе! И новые для меня мелкие детали интерьера только подтверждали это. Бронзовые бра с кокетливыми абажурчиками излучали уютный рассеянный свет, на стенах, в деревянных рамках, висели фотографии, которых не было раньше, а на декоративной полке, также висевшей на одной из стен, появились небольшие фарфоровые статуэтки.

Я вспомнил подзабытую теорию двух векторов жизни, прочитанную в юности, и которая тогда произвела на меня неоднозначное впечатление: с одной стороны, вроде как, неприемлемая для атеиста, комсомольца, ерунда, с другой, как очень заманчивая и желанная сказка.

В ней говорилось что, когда два вектора жизни: вектор времени и вектор пространства пересекутся в назначенной точке, земная жизнь заканчивается, человек сбрасывает биологическую оболочку и переходит в другое измерение, где продолжает жить бессмертная его душа.

Сейчас я точно знал, я был уверен, что вектор пространства Виктора Даниловича Василенко достиг искомой точки и замер в ожидании. Вектор же времени потерял для генерала значение, ибо зло было наказано, справедливость восстановлена, ему вернули самое дорогое в его жизни! И он обрел долгожданное счастье и душевное равновесие! И совсем не стоило напоминать ему о некоторых сложных и неприятных событиях, а, следовательно, из памяти генерала стерли и их и людей, могущих невольно нарушить душевный его покой.

Но, на самом деле, время продолжало движение в направлении той самой точки. И поскольку понятие времени и ход его движения субъективны и относительны, не за

горами был, я думаю, тот волшебный миг встречи, когда утомленная, но счастливая душа генерала сбросит, наконец, брэнное свое земное тело, взлетит вольной птицей, и с радостью устремится по звездному мосту в далекие и неведомые миры, где ждут его молодые, красивые и счастливые Женечка и Алена!

* * *

Я часто не справляюсь с соблазном задавать себе вопросы. Вопрос первый: почему был выбран именно я? И что это было на самом деле? Что происходило со мной на протяжении определенного отрезка времени?

Вариант один: все действительно происходило в другом измерении, в другой реальности, которая, возможно, мною должна была восприниматься как сон.

Вариант второй: мой alter ego материализовывался на время. Следовательно, мое участие в конкретных событиях в различные периоды истории есть путешествие во времени, реальная регрессия в прошлое. Но в чье прошлое? Мое, из другой жизни, либо генерала Василенко? А может, это была временная реинкарнация, обмен сущностями, моей и Виктора Даниловича? Ведь какое-то время мы действительно были энергетическими двойниками, он и я.

Ну, вот опять я возвращаюсь к истокам, к первому вопросу! Почему я?

Но ответа так и нет!

Ясно только, что на меня была действительно возложена обязанность, сложная, но, в известной мере почетная: помочь избавить мир от насильника и убийцы. И этот акт не являлся ни мстью, ни тем более самосудом. Поэтому все случившееся должно считаться безупречным с психологической и нравственной точек зрения.

И это самое важное!

Я надеюсь, что после всего произошедшего, воздух на планете стал хоть немного чище. И это успокаивает меня!

Союз литераторов России
Книжная серия
«ГОССТИПЕНДИАТ»

Владимир Делба
ДЕВЯТОЕ МАЯ
Повесть
Сокращенный вариант

Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции

Отпечатано в типографии «Роликс». ул. Кржижановского, д. 31
Бумага офсетная. Гарнитура NewCenturySchoolbookС
Тираж 100 экземпляров. Сдано в набор 24.10.2016
Подписано в печать 10.11.2016